

Сборник фантастических рассказов
Избранное 2017

ФАНТАСТЫ. RU

российский клуб авторов фантастики

18+

Роман Арилин

Избранное 2017.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Арилин Р. А.

Избранное 2017. Сборник рассказов / Р. А. Арилин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В сборнике фантастических рассказов избранные произведения авторов, победивших на турнирах и конкурсах "Фантасты.ру". Избранные и достойные, чтобы быть прочитанными...

Содержание

Предисловие	5
Содержание	6
1. Ни о чем не жалею	7
Та самая Вера	7
О людях и других одиноких существах	12
Выполнитель	16
2. Ключ к реальности	21
Золотая антилопа	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Предисловие

Уважаемый читатель!

В этот сборник вошли рассказы-победители конкурсов сайта «Фантасты.RU», прошедшие в 2017 году. Семь турниров и конкурсов прошли за это время. Десятки авторов сошлись на литературной арене, чтобы в итоге остались самые сильные и яркие. Какие-то имена уже известны по книжным магазинам, ну а некоторые авторы новички. Но все рассказы имеют общую черту. Необычные и оригинальные.

Зимний турнир с философским уклоном «Ни о чем не жалею», оставляющий щемящее чувство тоски.

Весеннее соревнование на тему «Ключ к реальности», где приоткрывается дверца в другой мир. Летний, жизнеутверждающий турнир «Семейные ценности», но не банальный по содержанию.

Совсем короткие и очень емкие по сути миниатюры конкурса-тренинга «Косушка».

Немного экзистенциальный турнир «Долгий путь», заглядывающий за горизонт мечтаний. Осеннее соревнование на тему «Первый», полное размышлений с привкусом хандры, и турнир «Маятник», раскрывающий вселенную колебаний и сомнений.

И наконец, зимний и освежающий нервы турнир «Мрачные твари», с налетом мистики и тайны.

Разные темы, разные авторы, но каждый рассказ яркий и уникальный, заставляющий подумать и взглянуть на некоторые вещи совсем по-новому. Большинство работ написано в жанре социальной и гуманитарной фантастики, продолжая старые традиции, но в современном мире. Смешные, страшные, философские, мистические, остро-социальные...

Каждый найдет что-то свое, близкое и отчетливо понятное.

Приятного Вам чтения!

Составитель:

Роман Арилин (Ябадзин)

Содержание

1. Ни о чем не жалею...

Альбина Галимова Та самая Вера

Вика Осадченко О людях и других одиноких существах

Роман Арилин Выполнитель

2. Ключ к реальности

Надежда Максимова Золотая антилопа

Борис Некрасов В сентябре

Альбина Галимова Йииих

3. Семейные ценности

Екатерина Филиппова Аромат пирогов, запах полыни

4. Косушка (нано-формат)

Александр Воронов Площадь свободы

Григоров Алексей Кроссворд

Наталья Адаменкова Окаянные монстры

5. Долгий Путь

Н. Бенгин Немного о чувствах

Борис Некрасов Дэнем го

6. Первый

Катерина Гашева Окно, распахнутое на ночь

Роман Арилин Первая линия защиты

7. Маятник

Александр Воронов Качели

Екатерина Филиппова Маета

8. Мрачные твари

Константин Бахарев Тот, кто скрипит

Юлия Цыбульская Осторожно, сосульки!

1. Ни о чем не жалею

Та самая Вера

(Альбина Галимова)

Два месяца назад, я открыл дверь и увидел ее, улыбающуюся во весь рот. Шерман сделал все как обещал, и даже больше. Да, это была Вера, но губы ее были ярко накрашены, а особенное выражение глаз придавало какую-то бравую шлюховатость всему ее виду. К тому же, обута она была в высокие стилетос, и я был уверен, что под коротким, блестящим платьем, кроме чулков и пояса, на ней нет никакого другого белья. Я сделал пальцем пируэт, и она закружилась.

– Ну как? – спросила, остановившись. Я вздрогнул, это был несомненно Верин голос.

Подтолкнув ее в квартиру, курьер протянул ордер на подпись.

– Завидую вам, – сказал он. – Вы – счастливчик, можете позволить такую роскошь. Та самая Вера – легенда! Из-за нее я смотрел все трансляция с корабля. Следил за всеми ее репортажами. Хотелось бы иметь такую же, горячая штучка!

Он подмигнул, и мне стало противно.

– Она была моей невестой до отлета на Зед 2, – холодно сказал я ему.

Курьер попятился, глаза его забегали.

– Извините... Прошу вас, я не хотел...

Я хлопнул дверью прямо ему в лицо. Лезть с грязными подмигиваниями в личное пространство клиента – нехорошая практика. Но я так и не написал жалобу Шерману, я был слишком занят своими переживаниями.

– Как ты назовешь меня? – спросила она, когда уже через минуту после его ухода, я расстегивал молнию на ее платье.

– Вера.

– Хорошо, – улыбнулась она.

Я заплатил за нее безумные деньги, но не мог пожаловаться. Каждый цент сполна окупался моими удовольствиями. Настоящая Вера никогда не позволяла мне делать то, что я вытворял с ее био-репликой, и первую неделю я отрывался по полной. Не имея никакого опыта с биосами, я был очарован. Все в ней было продумано до мелочей. Биолойф производила самых лучших секс-роботов на рынке, к тому же я знал, что раньше, до запрета, Шерман занимался калькированием. Поэтому и обратился к нему.

Меня предупреждали, что калькирование может сработать не сразу. Каждый день я ждал, что Вера начнет возрождаться из биоса у меня на глазах. Мы с Грэггом – парнем из департамента ИКосмо, много говорили об этом. Он пришел в восторг, когда узнал, что я решился заказать себе био-подругу. У него был целый гарем, и он никогда не имел отношений с нормальными женщинами. Но узнав, что я хочу использовать человеческий скан Веры, стал меня отговаривать.

– Био-подруга – твоя рабыня. Ее можно как хочешь..., – он пощелкал пальцами. – А надоест, задвинешь в кладовку. Калькирование же их делает хоть немного, но людьми. До запрета, мой брат использовал скан жены, которая умерла от вируса Бронса, так вот : через два дня он избавился от нее. Она вдруг вспомнила, что не любит, когда ее шпилят по-разному..., – Грэгг рассмеялся. – От человеческих сканов у них сбоит в голове. Калькирование запретили не просто так, приятель...

Фетишист-Грэг, помешанный на био-подругах, не понимал, что мне не нужна игрушка, я не извращенец, который трахает высоко-функциональных роботов. У меня нет проблем с женщинами : я обеспечен, работаю на правительство и стабильно продвигаюсь по служебной лестнице. Несколько романов, которые я пережил после Веры показались мне пресными, и я невыносимо скучал по ней.

В самом начале, жизнь с био-Верой сводилась к тому, что она делала все, что мне было приятно, и я этим пользовался. За неводержанностью приходит пресыщение, я боялся этого. Не хотел заскучать с оболочкой до того, как в ней начнет просыпаться настоящая Вера. Но до этого не дошло, потому что через неделю я почувствовал разницу. Когда мы смотрели игры в Дельте, один из участников поскользнулся на шаре, и Вера засмеялась. Она не имитировала мою реакцию, думая о работе, я даже не улыбнулся в тот момент. Ей стало действительно смешно, когда толстяк кубарем скатился вниз. Это был явный прогресс, но мне, почему-то, стало не по себе.

Некоторое время спустя, она перестала краситься и надевать яркие платья, которые я накопил ей в пароксизме похоти. Стала часто застывать у панорамных окон, рассматривая нижний город. Иногда ее глаза останавливались на мне, и от этого изучающего взгляда я чувствовал беспокойство. Первый ее осмысленный, человеческий вопрос застал меня врасплох :

– Что происходит в Даксфорде? Там все так же умирают люди?

Я с трудом нашелся что ответить.

– Правительство занимается проблемой трущоб.

– Плохо занимается...

– Сейчас же замолчи, – приказал я ей.

Она посмотрела на меня исподлобья и отвернулась. Испугавшись, я заперся в кабинете и позвонил Шерману. На экране появилось его узкое лицо.

– Я просил вас стереть все воспоминания, – сказал я.

– Что-то не так?

– При жизни Вера занималась проблемами экологии в Даксфорде. А сейчас ее биос волнуется то, что там умирают люди.

– Ну, это волнует всех порядочных людей. Вы же хотели, чтобы ваша подруга стала человеком?

Я промолчал, мне не понравился сарказм в его голосе.

– Она могла увидеть это в новостях, – Шерман открыл банку с энергетиком.

– Я не смотрю новости, мне хватает этого говна на работе.

В тот первый раз Шерману удалось успокоить меня. Да, возможно, что это было совпадением, и Вера узнала про Даксфорд откуда-нибудь еще. Но с того момента я стал очень внимательным. Теперь мне казалось, что она осмысленно слушает музыку, оценивающе смотрит на мир вокруг себя, и все время о чем-то думает. Каждый раз, когда я возвращался с работы я видел, что она заходила в сеть. Но было бы бессмысленно закрыть от нее всю внешнюю информацию, ведь я хотел чтобы она стала моей Верой, которая всегда была в курсе происходящего. Я видел как менялась моя био-подруга, и не скажу что эта трансформация всегда радовала меня. Однажды, когда мы занимались любовью, она закрыла глаза и волна отвращения пробежала по ее лицу. Сначала я пытался успокоить себя тем, что возможно, случилось сокращение волокон под лицевым материалом. Но потом, не мог отвязаться от мысли, что все таки, это была настоящая, нелестная для меня реакция.

Спустя неделю после моего разговора с Шерманом, Вера поставила кофейник на стол и спросила :

– Помнишь, что ты сказал мне той ночью, перед вылетом?

Я напрягся, руки мои похолодели.

– Нет.

– Ты сказал мне : Давай, не будем ни о чем жалеть... Возможно, теряя друг-друга, мы спасаем человечество. – Я улетала всего на три года, а ты попрощался со мной навсегда? Почему?

В волнении я сбил чашку со стола и пролил горячий кофе на брюки.

– Не смей говорить об этом! Вообще не смей со мной говорить, я запрещаю! – выкрикнул я.

Она отошла к окну и села на подоконник. Ее буравящий взгляд пронизывал меня насквозь.

– Молчи и улыбайся, – приказал я.

Рот ее неприятно растянулся. В этой новой гримасе, к которой ее принудили, было так мало от прежней, радостной улыбки. Я вдруг понял, что очень скоро она перестанет меня слушаться.

Через несколько дней утром, после душа, я нашел в своем бельеовом ящике одиннадцать мертвых мышей. Жалкие, скукоженные, они были завернуты в салфетки, пропитанные бурой кровью. Запах уже появился. Надев перчатки, я побросал трупки в пакет. Она не спрятала их, не смогла в органическом утилизаторе, она хотела ЧТОБЫ Я НАШЕЛ ИХ.

Вера сидела на веранде, застыв в одном из кресел у окна. Далеко внизу расходились стрелки воздушных дорог, мягко на разных уровнях скользили аэромобили. Стоял ясный день, и можно было увидеть крыши второго уровня. Чашка чая дымилась на столе. Прежняя Вера любила чай, и теперь ее синтетическая реплика во всем подражала оригиналу. Она и сидела как Вера, подложив одну ногу под себя, только ладони неподвижно лежали на коленях. Только это искусственное положение рук и выдавало подлог.

– Что это? – спросил я, раскрыв перед ней пакет с мышами. – Откуда?

Она показала на закрытый рот. Вот уже несколько дней я не разрешал ей разговаривать.

– Говори, где ты взяла их?

– В зоомагазине.

– Ты спускалась вниз? – поразился я. – Без моего разрешения? Зачем ты убила их?

– Я хочу быть похожей на человека, – прошептала она. – Хочу быть похожей на тебя. Ведь ты знал, что миссия обречена. Одиннадцать человек отправить на верную смерть! Ты попрощался со мной навсегда. Ты знал... Ты знал, что я не вернусь!

От ужаса на моей голове зашевелились волосы.

– Я видела в сети свои имиджи с Зед 2, – продолжала она. – Когда все остальные погибли, я перебралась в окси-капсулу. Кровь сочилась через мои поры, лимфы опухли так, что я не могла говорить... Ты знаешь каково это, умирать от облучения? Когда целый год нужно лететь до земли? И знать, что тебе никто не поможет? А вы сделали из этого шоу, с трансляцией по всем каналам... Делали из нас героев, когда мы дохли, захлебываясь собственной кровью. А потом вы казнили весь отдел Светлова, как ответственного за миссию. Он ведь бойкотировал этот проект с самого начала и всегда выступал против. Но вам нужно было кого-то обвинить! И вы приговорили тридцать человек! Почему не казнили Лефара, который занимался всем этим? Почему сейчас он возглавляет все подразделение ИКосмо? За что его повысили?

– Режим ожидания, – вспомнив инструкцию, выкрикнул я. Ее нужно было обездвижить как можно скорее.

Но она встала с кресла и надвинулась на меня.

– Ты не можешь мне приказывать, убийца!

Ее глаза из нанокристаллов неотрывно свербили меня, и как ни странно, в них мне виделся живой, укоризненный взгляд настоящей Веры. Я бросился вон из квартиры.

В кабинете Шермана я вывалил мертвых мышей ему на стол.

– На те деньги, что я заплатил вам, можно было бы купить пентхаус в Парадизе.

Шерман улыбнулся так, что я сразу понял, что попал.

– Я не хотел делать эту работу, мистер Горин. Двадцать лет назад я почти разорился на калькировании из-за судебных исков. А десять лет назад я сам добился запрета на него. И только бумага от Вице-президента заставила меня сделать это для вас. Я предупреждал вас о рисках, но вы – ребята с департамента, знаете как заставить...

– Мне кажется, она хотела меня ударить.

– Было за что? – он усмехнулся. – Калькированные биосы иногда помнят те вещи, которые их заказчики хотят забыть. Никто не знает, что вспомнит биос после стирания, а что забудет навсегда. В мозгу есть нейронные карманы, доступ в которые ...

Я плохо слушал, потому что уже понял, что к Шерману у меня не может быть претензий. Он прав, вина была полностью на мне. Пользуясь связями в правительстве, я добился разрешения на выдачу скана и калькирование Веры, и Шермана заставили делать то, чего он не хотел.

– Мы ее деактивируем, – вывел меня из размышлений его голос.

– Других вариантов нет?

– Вера может существовать только в том виде, в котором она уже существует. У нее был единственный скан, сделанный прямо перед отлетом. Она ведь работала на департамент всего лишь год...

Он уже тревожно смотрел на меня, мое отчаяние было очевидным.

– Она может стать очень приятной подругой, – продолжил он. – Мы сделаем любые накрутки : можно поменять формы, сделать блонд, дадите ей другое имя...

– Нет-нет, я не хочу.

– Тогда утилизация и рециклинг. Ну... – он замялся. – Конечно, же деньги мы вам вернуть не сможем. Производство обходится мне очень дорого ...

Махнув рукой, я остановил его. Мне захотелось, чтобы он просто заткнулся.

В коптере со мной летели два специалиста из Биолайфа и несколько роботов-гардов. Смог был плотный, видимость почти нулевая, дышать в нижнем городе было нечем. Западный ветер принес с собой проклятье Даксфорда – самого перенаселенного полуострова на Земле. За эту неделю там умерло пол-миллиона человек. Они умирали от перенаселения, грязного воздуха и воды, легочных болезней, плохих санитарных условий, голода, преступности, новых вирусов, против которых не было вакцин. Умирали от того, что уже давно на земле было проблемой номер один – нас просто было слишком много. Вера занималась экоколлапсом в Даксфорде до полета на Зед 2. Ее предложение по окси-генераторам заинтересовало правительство, и ее приняли в департамент. Так я познакомился с ней.

Да, это правда, когда я провожал ее на космодроме, я знал, что мы больше не увидимся. Знал, что весь экипаж погибнет на Зед 2 от радиации в течении месяца. Но Вера не должна была лететь на этом чертовом корабле! Ее внесли в список прямо перед отлетом, как замену биологу, внезапно заболевшему вирусом Бронса. Даже со своими связями, я не мог помочь ей. Предупредить ее – означало бы вынести приговор себе и сотням других людей, вовлеченных в этот проект. Эта честная идиотка разгласила бы государственную тайну и подняла бы шум, способный подорвать авторитет правительства.

Людам нужна была надежда, и департамент дал ее им. Чтобы держать миллиардные трупы под контролем, и не допустить возмущения и мятежей, нужна была легенда о лучших временах, которые вот-вот наступят. Двадцать лет мы морочили людей, якобы инвестируя в программы расселения на других планетах. Зед 2 была объявлена такой планетой. Одиннадцать человек было принесено в жертву этой легенде. Люди Даксфорда целый год следили за перемещением корабля, смотрели прямые выходы на связь и отчеты о полете. Вера стала их любимицей – улыбочивая и энергичная, она всегда нравилась людям. Миссия сделала ее звездой. И когда она последняя умирала в капсуле, все с ужасом смотрели ее выходы в эфир, прощаясь не только с Верой, но и надеждой на лучшее будущее. Одиннадцать человек были объявлены героями и награждены посмертно. Светлов и его группа ученых, были казнены за саботаж и ложные сведения о Зед 2. Нужно было найти виноватых и их назначили преступниками. Хотя Светлов всегда утверждал, что планета непригодна для жизни. Спектакль удался на славу, а правительство выиграло еще двадцать лет бездействия и новое поколение послушных избирателей.

Мы остановились перед дверью квартиры.

– Вы уверены? – спросил специалист из Биолайфа.

– Да, мне не хотелось бы ее видеть.

Он достал блок управления для дистанционного контроля биосов. Через минуту все было сделано. Им даже не понадобилось открывать дверь.

– Пройдите куда-нибудь, пока мы будем забирать ее, – посоветовал парень.

– Подождите, – остановил я их.

Я передумал, мне вдруг захотелось проститься с Верой и я попросил пару минут. Она стояла у панорамного окна, глаза ее были закрыты, но по ее склоненной немного вперед позе, я понял что минуту назад она смотрела вниз, где под смогом прятались нижние уровни города. Я дотронулся до ее лица. Циркуляция прекратилась, Вера уже остывала, уходила шелковистость кожи, маска сковывала подвижное при жизни лицо. Я обнял холодеющее тело, с которым теперь прощался навсегда. Печально, что я не успел рассказать Вере о тех длинных днях и ночах, наполненных тоской по ней. Об отчаянии и боли, которые не давали мне жить и дышать свободно. О чувстве вины, которая в последнее время съедала меня по кускам, и которая я знал, никогда не даст мне стать счастливым человеком. Мне хотелось, чтобы она знала о том, как я сильно скучал по ней и никогда не переставал любить. Я хотел бы рассказать ей обо всем этом, но было слишком поздно...

– Мне очень жаль, Вера... Мне очень жаль. Прости.., – прошептал я ей в волосы.

Поцеловав отвердевшие губы, я вышел на террасу, в завесу ядовитого, густого воздуха, заполнившего все вокруг.

О людях и других одиноких существах

(Вика Осадченко)

– Я принёс тебе подарок.

Вынимаю из кармана носовой платок с пёстрыми цветами, отковыриваю ногтём бирку. Старая кукла глядит на меня круглыми глазами, спрятав ручки за спину.

– Бери, не оказывайся. Он стоит копейки, правда. А мне приятно.

Она вздыхает, признавая своё поражение. Протягивает руки.

– Спасибо...

Аккуратно складывает платок по диагонали, завязывает неловкими пальчиками на лысой голове. Волосы выпали давным-давно.

У Малики одна нога короче другой: своей она лишилась в незапамятные времена, а когда ожила, пристроила на её место ногу от другой куклы. У Малики круглые голубые глаза, нежнейшая улыбка и сложный характер. Одевается она в самые пёстрые тряпочки, какие только удаётся найти. Так что мой платок вполне гармонирует с её нарядом.

Малика живёт в том самом гараже, возле которого мы сейчас сидим. Выбирается наружу через подкоп в углу – в гараже, как ни крути, скучно. А тут всё-таки компания.

– Хороша, – цокает языком Окунь. – Тебе бы ещё на платье такой платок... Жень, купи ей, а?

– Нет уж, – топает ножкой кукла, – не смей! Мне ничего не надо!

Самостоятельная. И людям не верит совершенно. Ещё бы: любили, играли, называли принцессой, а потом отправили в гараж.

Мы с Марсиком смотрим на это меланхолично и занимаемся своими делами. Я его глажу, он лежит у меня на коленях и урчит. Малика, успокоившись, садится рядом с нами на бревно, болтает босыми ножками. Ночью в марте зябко, но холода она не чувствует. А я поёживаюсь.

– Хотите, свой новый рассказ почитаю? – предлагаю я, пытаюсь нащупать под Марсиком карман и выудить оттуда телефон.

– Опять страшный? – хмурится Малика. – С убийствами?

– Ну так! – гордо отвечаю я, выводя текст на экран. – Дарк фентези, однако.

– Читай, – разрешает Окунь, принимая в воздухе горизонтальное положение. – Что мы, убийств не видели?

*

Познакомились мы зимой. Я разыскивал Марсика – этот серый уличный кот, исправно приходивший за едой утром и вечером, вдруг пропал. К ночи я забеспокоился и отправился обшаривать окрестные подвалы.

– Марсик, Марсик, – неубедительно зывал я в темноту. – Кыц-кыц-кыц!

– Здесь твой Марсик, – отозвался очередной подвал. – Лежит вон.

По ту сторону зарешёченного окна стояла крошечная тьма. Моя писательская фантазия поочерёдно нарисовала в ней образы вампира, клыкастого монстра и призрака невинно убиенного сантехника. Здравый смысл предпочёл остановиться на бомже.

В таких ситуациях мои герои мужественно расправляют плечи, нащупывают за поясом холодное или огнестрельное оружие и говорят короткими, решительными фразами. Я же судорожно шмыгнул носом – это, как ни странно, меня приободрило.

– Он умер? – осторожно поинтересовался я.

– Зачем сразу умер? Болеет. Похоже на пневмонию.

Я помянул про себя недобрым словом Марсиково нежелание ночевать в квартире. Догулялся, идиот...

– Мне бы его забрать. Полечить.

Изнутри подвала хмыкнуло.

– Ну тогда ты это, не пугайся. Сейчас вынесу. Ты бы лучше погулял пару минут, чтобы на меня не смотреть, а? Я кота прям тут положу, чес-слово.

– Неси, я не боюсь, – соврал я на удивление бодро. – Ты кто вообще?

– Сосед, – ухмыльнулась темнота.

Из-за решётки выплыло серое пятно – Марсик, окружённый мутноватой дымкой. Я моргнул и понял, что туман имеет антропоморфные очертания. Кота тащил на руках маленький полупрозрачный человечек. Лапы Марсика вяло болтались – похоже, что ему было совсем худо.

У меня одновременно отнялись и язык, и коленки. Поэтому я не убежал и даже не заорал. Просто стоял и смотрел, как человечек аккуратно просовывает Марсика сквозь решётку. Наверное, со стороны я выглядел очень мужественно.

Наконец человечек выбрался из подвала и протянул кота мне.

– Держи, чего застыл?

Я принял холодную тушку и сунул под куртку, придерживая обеими руками.

– Спасибо, – машинально сорвалось с языка, и мне сразу полегчало. Вот она, великая польза вежливости. – А как звать-то тебя, сосед?

Так мы и познакомились с Окунем, крышевым.

*

Окунь был из бывших наркоманов. Залез на крышу в поисках уединения и не рассчитал дозу. Тело нашли на пятые сутки. А сам Окунь так наверху и остался.

Поначалу он ещё мог спускаться погулять через люк с лесенкой в третьем подъезде. После того случая его, конечно, заперли, но крышевому замок не был преградой. До тех пор, пока управдом не устроил разнос каким-то техникам, тянувшим на крышу провода и позабывшим закрыть люк.

– Чтобы без моего ведома никто не смел тут ходить! – буйствовал управдом, приправляя свои слова крепким матом. Который, как известно, обладает мощным магическим эффектом. Как управдом сказал, так и вышло – больше Окуню через люк хода не было.

Года три он просидел наверху безвылазно, а на четвёртый к нему присоединилась рыжая кошка Марыська, отчаянно вопящая с перепугу. Окунь кинулся искать дорогу, по которой она пробралась, и обнаружил, что верхние ветки одного из деревьев, незаметно подросшего за эти годы, находятся в метре от крыши. На них, страстно завывая, покачивался чёрный кот, плотоядно глядящий на Марыську. Крышей швырнул в него горстью гравия, взял кошку под мышку и прикинул расстояние для прыжка...

*

Когда Марсик выздоровел и мы с ним начали гулять по вечерам, Окунь познакомил меня с Маликой. У куклы были жилищные проблемы: как раз в это время на нашем квартале сносили гаражи, и она рисковала остаться без убежища.

– Вот я и подумал, – объяснил нам крышей, – может она, в случае чего, у тебя поживёт? Ответом ему были два «нет» – возмущённое Малики и испуганное моё.

– Ну, принцесса у нас самостоятельная, – пожал плечами Окунь, – а ты-то что?

– А я боюсь, – честно признался я. Для этого, между прочим, тоже нужна смелость.

– Меня? – польщённо склонила лысую головку набок Малика.

– Читала бы столько ужастиков, как я, сама бы себя боялась. Живая кукла – это же классический монстр-убийца.

– И что она может сделать? – скептически хмыкнул крышевой.

Я начал загибать пальцы.

– Задушить меня своими маленькими, но сильными ручками – раз. Воткнуть мне в глаз спицу – два. Бросить в ванну включённый фен – три, только фена у меня нет...

– Ой, всё! – замахал он на меня руками. – Писатель, блин...

Малика выглядела довольной. Впрочем, решения она не изменила.

– Не хочу ни от кого больше зависеть, – отрезала она. – Не надо мне жилья из милости. В крайнем случае, в арыке буду жить. Или норку вырою.

В итоге гаражи возле моего дома так и не снесли, принцессе повезло. Да и нам, в общем-то, тоже: есть куда пойти вечером. Прямо по Достоевскому.

*

– Ну как? – с надеждой спрашиваю я, поднимая глаза от светящегося экрана. Перед глазами моментально пускаются в пляс цветные пятна, не позволяя увидеть в темноте хоть что-нибудь.

– Жуть, – доносится из-за пятен голос Малики.

– Ага, – одобрительно добавляет крышевой, – очень жизненно получилось.

Некоторое время мы молчим.

– Слушай, Жень, – нерешительно начинает Окунь, – тебе не кажется, что это неправильно?

– То, что труп Алламриэля съели крысы? – мысленно я всё ещё в рассказе. – Да уж, светлым будет тяжело его опознать. Надо хоть кусочек оставить...

– С тобой неправильно, балда! – рявкает Окунь. – Ты на себя посмотри! Молодой парень, а сидишь сутками дома, даже девушку не завёл. Общаешься только с куклой, котом и со мной. Это же ненормально!

– Ну, во-первых, я постоянно разговариваю с людьми на форумах, – обижаюсь я. – И каждые две недели к шефу за зарплатой езжу. А во-вторых, если я вам надоел со своими рассказами, так и скажите.

– Да нет же, – подаёт голос Малика, – ты чего? Отличные рассказы, и ты нам вовсе не надоел. Просто мы за тебя переживаем.

– Всё со мной в порядке, – отмахиваюсь я.

– А нам кажется, что тебе одиноко, – говорит она, склонив головку в платке набок. – Я не знаю, во что играют взрослые, но, может, тебе стоит попробовать? Вдруг понравится...

– Во что они играют, мне известно, – начинаю злиться я. – В алкоголь и дурацкую болтовню – в лучшем случае. А про то, что бывает в худшем, пусть тебе Окунь расскажет. Ты думаешь, с ними страшно интересно? У большинства разговоры про девчонок, или кто какое кино посмотрел, или кто что купил. А когда встречаются умники, то ещё хуже. Затеют философский спор на три часа, а потом выясняется, что они просто одну и ту же вещь называли по-разному. Вот ништяк, да?

Я раздражённо спихиваю с колен Марсика, который как раз в этот момент вздумал выпустить когти.

– Ты понимаешь, что я в принципе так не хочу? И не могу. В то время, когда они пьют пиво, я работаю. Может быть, то, что я пишу – ерунда и никому не нужно. А может, у этого есть будущее. Откуда мне знать? Я всё равно буду это делать, просто потому, что оно у меня получается. И я ни о чём не жалею. У меня нет друзей, зато есть миры, созданные мной...

Внутренний редактор укоризненно качает головой, и я смущённо замолкаю. Действительно, пафос зашкаливает. Писатель, называется...

Окунь и Малика тоже молчат, отводя глаза. Всем неловко. Только Марсик плевать хотел на наши высокие чувства – развалился под бревном и вылизывает заднюю лапу, задрав её над головой.

– А хочешь, я тебе запятые правильно расставляю? – робко предлагает кукла, и я понимаю, что это разновидность извинения.

– Хочу, – отвечаю я, потому что после такого разговора нельзя взять и сказать «нет». – А ты умеешь?

– Получше, чем ты, – фыркает Малика. – У меня в гараже полно старых учебников. Я и английский знаю, между прочим.

– Слушай, – у меня в голове зарождается и начинает набирать обороты безумная мысль, – а ты переводить сможешь? С английского?

– Смогу! – храбро отвечает кукла.

– Давай тебе работу найдём? Через Интернет?

Окунь одобрительно кивает головой – Интернет он ещё застал. Принцесса понимает куда меньше.

– Будешь переводить всякие тексты и получать за это деньги, – объясняю я. – На дому, как инвалиды и хикикомори. Заказчики даже не узнают, что ты не человек.

– Какие кикиморы? – не понимает крышевой. Малика более практична:

– Зачем мне деньги?

– Ну как зачем, – я вдохновенно взмахиваю рукой. – Сможешь снимать у меня комнату, как квартирантка. Ты же просто так жить всё равно не согласна. Интернет оплачивать, опять же. Нетбук я тебе отдам для работы, как раз будет по размеру. А на остатки станешь покупать платишки на «Али Экспрессе». Там и кукольные наверняка есть.

В круглых голубых глазах зажигается огонёк. Удачно я ввернул про платишки.

Кукла неуверенно оглядывается на крышевого.

– А ты что думаешь?

– Что тут думать, прыгать надо, – пожимает тот плечами. – В смысле, пойдёшь да попробуй.

– Пошли вместе, – я поднимаюсь с бревна и подхватываю пыльного Марсика, отряхивая его от налипшего мусора. И зачем, спрашивается, вылизывался?

Кот лениво отбивается. Малика уже топает к моему дому, крышевой летит следом. Я смотрю на них и невольно улыбаюсь. Нет, друзья у меня всё-таки есть. И да, я ни о чём не жалею.

Выполнитель

(Роман Арилин)

Пункт контроля хоть и назывался временным, как утверждала надпись на придорожном указателе, но все признаки указывали, что военные обосновались здесь явно с прицелом на долгое пребывание. Около забора с грозно торчащей колючей проволокой, пущенной поверху, прилепился огородик с разной зеленушкой-петрушкой. Недалеко от входа в пункт возвышалась капитальная собачья конура, в глубине которой блестели печальные глаза ньюфаундленда.

Алексей вошел в здание и попал в узкий коридор, по обе стороны которого стояли банкетки с потертым дерматином. Во всю стену висела большая и подробная карта Архангельской области, с обведенным жирным кругом Котласским районом. Внизу кто-то написал нетвердой рукой «Христос снова воскрес», а рядом едва виднелось полустертое «антихрист сатанинский».

Ближайшая дверь открылась, и в коридор вышел капитан-пограничник с небольшим брюшком, выводя мужичка, от которого шибало перегаром вперемежку с чесноком.

– Последний раз тебя предупреждаю, Тарасов, еще раз принесешь поддельное разрешение – собственноручно сдам в милицию, – показывая внушительный кулак, сказал капитан. – Ты свое единственное желание уже потратил.

– Ну что такое лодка моторная?… Жена до сих пор пилит, – покачал головой мужичок. – А загадывал я вообще шубу теще и квартиру новую.

– Иди уже отсюда, – выпроваживая мужичка, замахал рукой капитан, – я уже по пятому кругу про твою шубу выслушиваю.

Алексей деликатно кашлянул, обращая на себя внимание сурового капитана.

– Первый раз? – спросил капитан, окинув взглядом Алексея. – Заходите в кабинет.

– Мне разрешение выписали в нашем ОВД, – садясь на стул, начал Алексей, – на одно желание нематериального плана. Вот документы.

– Посмотрим сейчас… – задумчиво сказал капитан, принимая бумаги. – Вы пока берите анкету и заполняйте. Чтоб, значит, все в соответствии было.

Анкета была стандартная, с вопросами про родителей, учебу-труд и родственников за рубежом. Только в самом низу скромно расположились несколько пунктов о религии, со звездочкой «необязательные».

– Заполнил, – протянул бумаги Алексей, – что дальше?

– Все, вот вам бирка с номером, на месте там покажите, – капитан протянул пластиковую карточку с цифрами. – С той стороны забора автобус стоит, до места довезёт. Водитель там странный, но вы не обращайтесь внимания. Кстати, видели рожицу елок перед поворотом?

– На холмике? – уточнил Алексей.

– Точно, – кивнул капитан, – это вот те самые, кто нематериальное загадывал.

– В каком смысле? – уточнил Алексей.

– Это я в смысле предупреждения, – капитан посмотрел прямо в глаза Алексею. – Товарищи загадали что-то этакое, и вернулись в виде деревьев. Может, лучше лодку моторную?

Старый «пазик» натужно взбирался на пригорок, выпуская густой шлейф выхлопа. В окне мелькали пустые деревни Котласского района, из которых на всякий случай выселили людей. Как странно это все начиналось, вспоминал Алексей, смотря на пустые окна домов. Один из врачей районной «психушки» объявил себя верховным божеством, и распустил всех пациентов, предварительно излечив от душевных болезней. Власти тогда вовремя сообразили, что к чему, и надежно оцепили район, поставив визиты к божеству на бюрократические рельсы. Пограничники, контроль и строгий учет.

В салоне, кроме водителя, никого не было, но Алексею хотелось выговориться перед кем-нибудь, до встречи.

– Жену хотел вернуть, погибла в аварии. Глупая смерть. Впрочем, умной смерти и не бывает. Я слышал, некоторым удавалось родственников возвращать оттуда. Как думаете, получится?

Водитель молчал, словно и не услышал вопроса. Но Алексей продолжал говорить, уже больше с собой.

– Или зря я затеял все это? Тоска какая-то гложет, хоть на стену лезь. Вот как потерял ее, так и понял, что не могу без нее.

Но водитель снова не отвечал, насуплено крутя баранку и не обращая внимания на откровения пассажира. Только уже самым перед въездом в Котлас, после часовой тряски по разбитой дороге, когда показалась блестящая лента Северной Двины, водитель запоздало начала говорить, но вроде как сам себе.

– Неправильно все это. Все эти желания... Бог на небе должен быть, а не тут с нами. Появился как снег на голову. Мало ли кому чего надо, тут некоторые такое загадывают. А может это совсем наоборот, а не божество? А мы все к нему на поклон, с желаниями сокровенными.

– Куда дальше? – спросил Алексей, когда автобус остановился на небольшом пяточке стоянки.

– На пригорке здание психоневрологического диспансера, там оно и живет, божество это. Карточку с номером покажите ему, – показал водитель на двухэтажное здание. – Полчаса стою, потом обратно возвращаюсь.

Скрип старых деревянных полов гулко раздавался в пустом здании. Где-то жалобно стонала незакрытая форточка, с дребезгом постукивая в раму. Пройдя по длинному коридору, Алексей остановился перед дверью с надписью «Заведующий отделением». Неясно откуда, но он знал, что надо именно сюда, здесь будут оценивать желания и взвешивать их на предмет возможного выполнения. Вытерев вспотевшие ладони, и пару раз стукнув в дверь, Алексей неуверенно зашел в кабинет.

За столом сидел обыкновенный на вид врач и что-то писал, как водится у врачей. Небольшая бородка, интеллигентное лицо, очки, слегка мятый халат. Про себя Алексей подумал, что именно так и представлял врача районной больницы. Не хватало только стетоскопа и какого-нибудь столетника на подоконнике.

– Это я, – нелепо сказал Алексей, – вот карточка с номером.

– На что жалуетесь? – поднялся врач, подходя к Алексею.

– Жена погибла, – скомкано начал объяснять Алексей. – Можно ее вернуть?

Врач подошел вплотную и начал осматривать Алексея, оттягивая веко и заглядывая в рот.

– Покажите язык, голубчик. Теперь руки вытяните, и пальцем до кончика носа. Превосходно! А если жена не захочет?

– Чего не захочет? – непонимающе переспросил Алексей.

– А ничего не захочет, – с хитрецей ответил врач, возвращаясь за стол. – На черта вы ей сдались со своей протухшей любовью, депрессивной физиономией и ворохом запущенных комплексов?

– Так вы вернете мне жену или нет? – покраснел Алексей, начиная злиться. – Разрешение есть! Вы же должны выполнить!

– Должен, такой вот договор. Но ведь это затруднительно, если пациент и сам не знает толком, чего хочет. Я вот смотрю – мутно как-то у вас внутри, – вернувшись за стол, сказал врач. – Туда и обратно я доставлю, а уж как с женой сложится... Иди к ней, Алеша-Котик, там видно будет.

Алексей вздрогнул, как от удара. Так ласково называла его только жена, когда рядом никого не было.

– Где же он? Ага, вот! – врач достал игрушечный пистолет из ящика стола, и навел на Алексея. – По счету три... Готовы? Раз ... Два...

На счете два раздался выстрел, и яркая вспышка ударила по глазам Алексея. На секунду он потерял равновесие, и словно куда-то полетел. Содержимое желудка рванулось к горлу, и он упал на что-то мягкое.

«Фокусник гребаный», подумал Алексей, поднимаясь с земли.

Вокруг простиралось, куда ни глянь, бесконечное серое поле, сливавшееся где-то далеко с таким же серым небом. Вокруг парили полупрозрачные силуэты людей, слабо светящиеся изнутри. И дул странный ветер. Алексей чувствовал его не кожей, а внутри себя, словно какой-то шепот. Этот ветер поднимал из глубин старые мысли, забытые чувства и несбывшиеся желания.

– Люба! Любаша! – закричал Алексей.

– Не кричи, – раздался такой знакомый Алексею голос. – Здесь тихо надо.

Рядом возник силуэт жены, такой же полупрозрачный, как и остальные.

– Господи! И вправду исполнил желание, божество или кто он там! – шепотом сказал Алексей, пытаясь обнять ее.

– Не спеши, дурачок, – ответила Люба, уплывая прочь от объятий. – Исхудал ты, бедняга. И кудри твои красивые завяли.

– Я за тобой, – сказал Алексей, – забрать отсюда.

– Зачем? – покачала головой Люба. – Ты и в самом деле этого хочешь? Здесь же только самое сокровенное выполняется.

– Да я же не могу без тебя... – начала возмущаться Алексей, и сразу замолк.

Сколько раз он представлял мысленно сцену встречи с женой, даже речь готовил перед зеркалом. Репетировал, подбирая значимые слова с проникновенным смыслом. И даже убедил себя в чем-то. Только сейчас забыл, в чем именно.

– Вот видишь, Алеша, не только за мной ты пришел, – усмехнулась Люба. – Тоска тебя и правда гложет, только это не по мне тоска, а по себе скорее. Самолюбие большое гнало тебя.

– Мучаюсь... Жить не могу... Вернись... – растерянно забубнил Алексей, повторяя ранее заученные фразы.

Все, что ему раньше казалось важным и значительным, куда-то уносилось чертовым ветром, растворяясь в окружающей серости. Алексею стало по-настоящему страшно, в районе живота заворочался холодный пустой ком, грозящий поглотить его без остатка. Неужели внутри у него и правда ничего нет, кроме заскорузлых фраз и вороха неясных мыслей? И почему он увидел это только здесь, среди серого ничто?

– Я же последнее время и не любила тебя, – усмехнулась Люба, кружа вокруг Алексея. – Подруги тогда не зря шептались – я в машине с любовником была. Несколько месяцев уже с ним встречались. Ты ведь за этим пришел? Узнать, правда ли это?

– Да, да, да! – закричал Алексей. – Стерва! А я еще уговаривал себя, не верил! Ну не могла моя Любка обмануть!

– Вот ты все и узнал, – коротко сказала Люба, – делай теперь что хочешь.

– Ну, скажи, что все это глупость была, – начал упрашивать Алексей, – Увлечение мимолетное... Помутнение там временное.

– Нет, я Вадима крепко полюбила, он по-настоящему живой, не жалею об этом, – покачала головой Люба. – Как он там после аварии?

– В гипсе лежал немного, вроде выписали уже, – зло ответил Алексей. – Да не нужна ты ему!

– А и правда, возьми меня с собой, Алеша! – загорелась вдруг Люба.

– Ко мне вернёшься? – вскинулся Алексей. – Забуду, прощу все!

– Не получится у нас с тобой ничего, растеряли мы любовь, – грустно улыбнулась Люба. – А вот по Вадимчику скучаю...

– Да ты тут совсем ополоумела! – закричал Алексей. – Чтобы я тебя сам к любовнику привел?

– Ага! А ты обманщик! – засмеялась Люба. – Хотел меня как игрушку из магазина получить? Получите и распишитесь для пользования? Ну и иди тогда отсюда, к своим живым! Злая я тут совсем стала, Алеша...

– Дурында ты, Любка... – тихо сказал Алексей, смотря на полупрозрачное лицо жены. – Да и я тоже, дурак.

Внезапно раздался низкий гул, словно из органной трубы невероятных размеров, и серая равнина дрогнула, подпрыгнув под ногами. Алексея подхватило и понесло вверх с такой силой, что перехватило дыхание, а в глазах стало темно...

– Большой! Просыпайтесь! – звонкий женский голос прорывался сквозь дрему. – Обход!

Сквозь закрытые глаза пробивалось яркое солнце. Пахло хлоркой и почему-то гороховым супом. Алексей вскочил, и тут же схватился за кровать. Голова кружилась, а перед глазами заплясали цветные круги.

– Ну, голубчик, как себя чувствуете? – с улыбкой спросил врач с небольшой аккуратной бородкой и в очках. – Мы вас, можно сказать, с того света вытащили. Депрессия, навязчивые мысли на суицидальном фоне. Поиски непонятно кого...

– Где я? – спросил Алексей.

– В Котласском психоневрологическом диспансере, – ответила медсестра из-за спины врача, с осуждением поглядев на Алексея. – Давайте собирайтесь, больной, на выписку.

– Да-да, сейчас, – кивнул Алексей. – Что-то у меня перемешалось все в голове.

– Обычное дело после курса лечения аминазином, пройдет через пару дней, – ответил врач, понимая кивая головой. – Но все худшее позади. Мнимую дилемму добра и зла смыло лекарственной волной, как любил говорить мой учитель.

На улице светило мягкое сентябрьское солнце, хотелось раздеться и подставить лицо под теплые лучи. Алексей снял куртку и повесил на руку, из кармана выпала какая-то карточка с цифрами, да так и осталась лежать в грязи незамеченной. На сгибе локтя немного зудели следы от уколов, и старые и совсем свежие.

Водитель «пазика» задумчиво смотрел в моторный отсек, обтирая ветошью замасленные руки.

– Быстро ты обернулся, минут за двадцать, – кивнул водитель подошедшему Алексею, – даже на обратный рейс успел.

– Разве мы виделись? – удивленно спросил Алексей.

Водитель хотел что-то ответить, но внимательно посмотрев на молодого человека, резко обернулся и полез на водительское сиденье, что-то бурча себе под нос. Двери со скрипом захлопнулись, и автобус начал разворачиваться на стоянке, выруливая в сторону загородной дороги.

– Стой, тормози! – закричал Алексей. – Еще кто-то бежит!

От больницы вниз по тропинке бежала девушка, смешно размахивая руками.

– Думала, не успею, – запыхавшимся голосом сказала она, забегая в салон. – Спасибо, что подождали.

Водитель закрыл дверь, и «пазик» начал разгоняться, подпрыгивая на кочках.

Алексей подумал, что девушка очень миленькая, со своими рыжими веснушками. Почему-то подумалось, что у нее обязательно должна быть родинка на плече, рядом с ключицей. Хотелось смотреть и смотреть на ее лицо и руки, но это уже было бы совсем невежливо, и он повернулся к окну, пытаясь увидеть ее отражение в стекле.

На душе у Алексея было удивительно спокойно, хотелось долго-долго ехать в этом старом автобусе, со странной девушкой на заднем сиденье, и чтобы за окнами мелькали деревья с желтой листвой.

– Неправильно это все, – покачал головой водитель, поглядев в зеркало на пассажиров, – не по-людски...

Но слова его потонули в шуме мотора... Впереди показалась широкая лента шоссе, уходящего к горизонту, в сторону поднимающейся ночной темноты. Серое небо низко нависало над такой же серой землей.

2. Ключ к реальности

Золотая антилопа

(Надежда Максимова)

Никто не любит родственников из деревни.

Нет, одно дело, когда они присылают посылки с клюквой или открытки к праздникам, и совсем другое, когда заваливаются на вашу жилплощадь с баулами и с открытой душой просятся пожить месячишко-другой на всем готовом.

Капитан полиции Зверев нарвался именно на второй вариант.

Субботним вечером он сидел в трусах перед телевизором с заслуженной бутылкой пива. И надеялся, что никто не оторвет его от этого бездумного времяпровождения. Не сбылось.

В дверь позвонили, и вышедший открывать хозяин обнаружил на пороге худший из возможных раздражителей: деревенского родственника. С двумя котомками.

– Здорово, дядько Степан, – радостно заулыбалась эта двухметровая орясина. – А меня вот дядько Фрол послал. Съезди, говорит в Москву, посмотри как там...

«Дядько Степан», – злобно подумал Зверев, – «где вас таких делают-то»...

– Ну, проходи.

Отказать было нельзя. Фрол этот приходился какой-то кривоколенной родней матери, и в деревне считался палочкой-выручалочкой. За сущие гроши, иногда просто за обед, помогал нуждающимся поправить забор, починить крышу, расчистить завалившийся колодец и прочее. Вечно занятый в столице Зверев матери только деньги посылал, а для деревенской жизни этого не достаточно

– Давай-давай, проходи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.